

СЕРДЦУ БЛИЗКОЕ

(творческая характеристика на поэта Алексея Михайловича Пляхина)

Иван Яган

Сборники стихов Алексея Пляхина у меня всегда под рукой. Может, половину стихотворений и поэм знаю наизусть, хотя специально не заучивал. Многие из написанного А. Пляхиным читал в рукописях. Нередко приходится выступать с ним в различных аудиториях, в который раз слушать одно и то же в авторском исполнении. И каждый раз кажется, что слушаю его впервые, всегда испытываю как бы первородное волнение. В чем же секрет такого непреходящего обаяния поэзии Алексея Пляхина? На этот вопрос не так-то просто ответить. С годами пришел к твердому выводу: творчество Алексея Пляхина нельзя рассматривать в отрыве от личности поэта, его человеческой судьбы. Между ними не существует ни малейшего водораздела, разрыва.

Проба пера Алексея Пляхина началась еще до войны. Писал в войну. С годами накапливался опыт жизни, росло и совершенствовалось мастерство. Но как в ранних, так и в поздних стихах главная суть не менялась: и в лирике, и в стихах гражданского содержания и тона, и в юморе он остается предельно искренним и распахнутым. Перечитывая циклы, сборники стихов и поэм А. Пляхина, замечаешь завидное постоянство его отношения к жизни, незыблемость нравственных принципов. В его творческой биографии были поиски и раздумья перед новым этапом в работе, но никогда не было периода, когда бы он занимался формальным экспериментированием в угоду модным веяниям или конъюнктурным соображениям.

Чего греха таить, мы являемся свидетелями того, когда в современной поэзии, как и на эстраде, иные пытаются нехватку таланта и духовную скудность заменить внешними атрибутами: изобретают несвойственный русскому языку, русской поэтике словесные словообразования, строфические конструкции, исполняют песни и вниз головой, и на одной ноге, взбрыкивая другой выше собственной головы и микрофонной стойки. Отними у такого певца микрофон, и он вмиг окажется рыбой на песке. Сколько было их, поэтических бабочек-однодневок, пестро промелькнувших на горизонте и бесследно канувших в небыль.

Следуя лучшим традициям русской и советской поэзии, А. М. Пляхин считал и считает: лучший способ ходить по земле - тот, которым пользуется подавляющее большинство человечества. Не только для себя считает, но и в стихах смело срывает маски и бутафорские покровы с тех, кто на самом деле оказываются «голыми королями». В стихотворении «Кому живется труднее?» с неприкрытой иронией поэт как-то написал:

*...И вот он хрипит
В микрофонную грушу,
Пытаясь натуженною
Электроложью
Внушить, что имеет он
Искорку божью.
Гораздо труднее
Живется поэту –
В руках у него
Усилителей нету.*

Сам плоть от плоти народа, поэт питает свое творчество из народных истоков. Все достойное в современной поэзии он воспринимает всецело, безоглядно, но жестоко непримирим к неестественному, фальшивому не только в литературе, но и в жизни вообще. Непримирим по-бойцовски, по-солдатски. Ему чужды рутина и ретроградство. Он всегда и во всем искренен. Искренне можно ошибаться. Но глубокое знание жизни, каждодневное осязание ее пульса позволяют поэту безошибочно держаться верного и

надежного фарватера. Перечитайте его сборники «Зауралье мое», «На тополином берегу», «Перелесковый простор», «Сердцу близкое», и вы увидите, какими тревогами и думами жил и живет поэт, о чем его печаль и что его радует, какие принципы исповедует. Это нескончаемый бой за чистоту человеческой души, ее красоту. Это желание бывшего солдата-фронтовика видеть счастливым все сущее на земле.

Невозможно сделать полный и детальный обзор созданного А. Пляхиным за многие годы. Но сегодня нельзя обойти одну из главных тем его творчества – тему войны и мира, тему исполненного солдатского долга. Она им выстрадана лично. Он знает высокую цену Победы и потому так ревностно и пристально присматривается к жизни, поступкам тех, кто нынче пожинает ее плоды, возвращенные на неисчислимых тяготах и страданиях, на невосполнимых утратах.

Есть в книге А. Пляхина «Сердцу близкое» раздел «Да, так велик он, памяти запас» и поэма «Возле чужого счастья». Не ошибусь, если скажу, что и стихи, и поэма составляют наиболее весомую часть из всего написанного поэтом. Здесь с наибольшей силой, наиболее рельефно и зримо проявились грани его таланта, все его слагаемые: и обнаженность нежного сердца, и мудрость опыта, и умение найти единственно точное слово и образ, и суд беспокойной памяти.

*Сегодня мы, участники войны,
Везде и всюду, как на пьедестале,
Таким вниманием мы окружены,
Что от внимания этого устали.
...Мы по России-матушке по всей,
Как снег, белеем и, как он же, таем.
Быть может, завтра книги да музей
Расскажут юношам о были грозных дней,
Которую мы лучше книжек знаем.
Да, так велик он, памяти запас,
Что весь в строку вовек не воплотится.
Поэтому - рассматривайте нас
И слушайте.
Вам это пригодится!*

В стихах названного цикла – вся боевая биография поэта. С последнего курса Чашинского молочного (какая мирная профессия ждала юношу!) техникума Алексей Пляхин ушел в армию в феврале сорокового. В Свердловске учился на курсах командиров танков. В районе города Ельца во время больших военных учений застала его весть о войне. И горечь отступления, и гибель безоружных людей, и угроза окружения – все оставило неизгладимые зарубки на сердце. Потом – дорога на запад, дорога не скатертью, а с боями, с гибелью друзей. Механик-водитель самоходной артиллерийской установки старшина Алексей Пляхин форсировал Буг, Вислу, Одер, освобождал Люблин, Варшаву и другие города. На Эльбе встречался с американскими солдатами. А в поверженном Берлине на стене рейхстага начертал свою победную надпись: «Чаши-Берлин!»

*Не позабыть, как в страшную годину
Мы после боя никли оттого,
Что убыл полк опять наполовину,
А раненых опять - ни одного.
И снова - бой.
И снова - та же сводка.
А я судьбой помилован опять.
От ран меня спасала самоходка.
А что спасло от смерти - не понять?!*

Это, так сказать, поэтическая констатация факта. И, наверное, поэт ради этого не стал бы браться за перо. Его душу жжет и мучает другое:

*Прошел войну и назван ветераном,
И грудь узка для боевых наград.
А вот по-настоящему не ранен...
Но разве я, ребята, виноват?!*

В этом и есть поэтическая, человеческая суть. Незаживающие раны памяти, может быть, больней многих других.

Поистине хрестоматийным можно назвать стихотворение А. Пляхина «В том Берлине». Эпиграфом к нему автор взял сообщение из газет: «В Западном Берлине при ремонте здания бывшего рейхстага снят купол, над которым в 1945 году был водружен стяг Победы». Хотелось бы полностью процитировать эти стихи, но вот хоть три последних четверостишия:

*... Не видно росписи настенной -
Затерты наши письма.
И ждет рейхстаг, немой, надменный,
Что повторятся времена.
И не маячит над рейхстагом
Крутого купола каркас,
Чтоб на него с победным стягом
Россия вновь не поднялась.
Но мы, сыны, отцы и деды,
Коли нужда возникнет в том,
Куда поставить стяг Победы,
И кроме купола найдем!*

Нет, это не угроза. Это суровое напоминание тем, кто забывает уроки войны. Об этом напоминает солдат Великой Отечественной, поэт из зауральского города Кургана Алексей Михайлович Пляхин.

Иван Яган.